

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: КОНЦЕПЦИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

В.И. Карпенко, глав. аналитик отд. ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, cspp@extech.ru

А.Б. Логунов, дир. центра ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, канд. воен. наук, logunov@extech.ru

Б.В. Иванов, дир. центра ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, bivanov@extech.ru

Рецензент: А.И. Гаврюшин, вед. научн. сотр., ПАО «МАК «Вымпел», канд. воен. наук, alex_gai@list.ru

В статье представлена универсальная концепция информационной войны как коммуникативная технология воздействия на массовое сознание с кратковременными и долгосрочными целями, включающая разведку, аналитическую работу и военно-коммуникативные исследования. Вводится понятие приоритетов обобщенных средств управления обществом, посредством которых рассматриваются основные технологии информвойны, в том числе применительно к Российской Федерации.

Ключевые слова: Россия, информация, информационная безопасность, информационная война, концепция, коммуникация, информационно-психологическое воздействие, СМИ, идеология, культура, управление.

INFORMATION WARFARE: CONCEPT AND TECHNOLOGY

V.I. Karpenko, Chief Analyst, SRI FRCEC, cspp@extech.ru

A.B. Logunov, Director of Centre, SRI FRCEC, Doctor of military sciences, logunov@extech.ru

B.V. Ivanov, Director of Centre, SRI FRCEC, bivanov@extech.ru

The article presents the universal concept of information warfare as a communicative technology of influencing mass consciousness with short-term and long-term goals, including intelligence, analytical work and military-communicative research. The concept of priorities of generalized means of managing society is introduced, through which the main technologies of information warfare are considered, including in relation to the Russian Federation.

Keywords: Russia, information, information security, information war, concept, communication, information and psychological impact, mass media, ideology, culture, management.

Развитие современного мира, представляющего собой совокупность взаимозависимых сообществ, в большей степени зависит от технологического, интеллектуального и духовного потенциала нации, народа и в меньшей — от территориальных и природных ресурсов. Примером могут служить США, Япония, Германия, ряд стран Юго-Восточной Азии и Китай, достигшие высокого уровня экономического развития и военно-политического доминирования в условиях информационного пространства, созданного государством, а потому защищенного от негативных внешних воздействий. Наличие государственной информсреды лишь подчеркивает важность информации и коммуникаций для достижения стратегических целей. «В условиях, когда практически все вещественно-энергетические (материальные) ресурсы ограничены и быстро убывают, информация выступает фактором, в принципе неограниченным, не обнаруживающим тенденцию к спаду... Информация, вероятно, единст-

венный ресурс, который... обнаруживает тенденцию к росту эффективности его использования в экономическом и социальном аспектах», – заключает эксперт по проблемам информ-среды А. Урсул [1].

Ранее, в 1996 г., информацию более предметно и глубоко определил ушедший из жизни в апреле 2022 г. генерал-лейтенант КГБ СССР в отставке Н.С. Леонов: «Информация, как никогда, стала инструментом власти. Когда была обнаружена восприимчивость человеческой психики к внушению, информация в форме пропаганды и агитации стала главным рычагом управления людьми. Она постепенно заменила собой грубую силу, насилие, которые долгое время считались единственным и незаменимым орудием управления. Покойный ныне президент США Ричард Никсон, выступая однажды в Совете национальной безопасности по вопросу бюджетных расходов, сказал, что он считает 1 доллар, вложенный в информацию и пропаганду, более ценным, чем 10 долларов, вложенных в создание систем оружия, ибо последнее вряд ли будет когда-либо употреблено в дело, в то время как информация работает ежечасно и повсеместно» [2]. Он понимал, что информационные воздействия значимы не столько сами по себе, столько тем, что приводят в действие мощные вещественно-энергетические процессы, управляют ими. Суть же влияния информации как раз и заключается в ее способности возбуждать и контролировать вещественно-энергетические процессы, по масштабам значительно превосходящие саму информацию.

Н.С. Леонову вторит немецкий специалист-политолог Клаус фон Байме, указывающий: «...иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть» [3].

Говоря о России, следует отметить, что серьезную угрозу интересам ее национальной безопасности представляют обострение социально-политической, криминогенной и информационной обстановки, борьба за сферы влияния различных религиозных течений, социальная напряженность, сужение социальной базы военной организации государства, опасность возникновения локальных конфликтов как на собственной территории, так и на сопредельных с Российской Федерацией. Все это отражено в соответствующих законодательных и нормативно-правовых документах, среди которых – основополагающие по теме указы Президента РФ: от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации», от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» и от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [4].

Отмеченные «информационные» указы свидетельствуют, в частности, о глобальной роли информации для всего человечества и ее значимости – управленческой, информационно-психологической, военной. В связи с этим особую актуальность приобретают концептуальные подходы к пониманию информвойны, один из которых и предлагается к рассмотрению в данной статье.

Начнем с того, что в настоящее время ни у кого не вызывает сомнения тезис о доминирующей роли информации в мире, что и отражено в определении переживаемого обществом периода – информационно-цифрового. В частности, французский философ П. Вирилио указывает, что после первой атомной бомбы, способной разрушать материю с помощью радиоактивности, в конце XX в. появился «призрак второй бомбы, информационной, способной уничтожить спокойствие наций с помощью интерактивной информации» [5]. «Если информация – это третье, после массы и энергии, измерение материи, то каждый исторический конфликт оказывается приручением одного из измерений. Война массы велась со времен великих нашествий античности вплоть до появления огнестрельного оружия. Война энергии началась с открытия пороха и закончилась изобретением атомного оружия и разработкой сверхмощного лазера. И наконец, информационная война обобщит то, что было накоплено годами шпионажа и полицейской слежки, и преобразует в предельную скорость

«мировой информации», — считает философ, рассматривая последнюю как фон глубинной «физиологической войны» человечества против человека.

Особо отметим, что информация имеет непосредственное отношение к психике человека. Это подтверждают научные исследования, в частности немецкого ученого К. Штейнбуха, свидетельствующие о том, что вся психическая деятельность человека есть не что иное, как прием, обработка, накопление и выдача информации.

Все вышесказанное делает необходимым дать определение собственно термину «информация». Так, *информация* (information — от лат. Informatia) — «разъяснение», «изложение». Исконное значение этого термина — сведения, передаваемые людьми друг другу устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, жестов и технических средств различных типов). В сфере коммуникативистики это значение расширяется и углубляется, распространяясь на обмены информацией между человеком и автоматом, автоматом и автоматом, а также и на сигнальные связи в животном и растительном мире. В теории коммуникативистики информация рассматривается наряду с коммуникацией в качестве одного из всеобщих свойств материи вместе с такими ее атрибутами, как движение, время и пространство. В более узком смысле термин употребляется для обозначения данных, сообщаемых посредством тех или иных средств связи [6].

В настоящее время понятие «информация» обрело больший смысл, чем ранее, в силу различного рода причин.

Первая причина — технологические инновации: стремительный рост информационной инфраструктуры (включающей не только Интернет, но и кабельные сети, спутники для прямого вещания, сотовые телефоны и т.п.), причем баланс смещается от вещательных приемов по типу «один-ко-многим» (например, традиционного радио и телевидения) к типу вещания «многие-ко-многим», свойственного диалоговым средствам информации. Отсутствие проблем относительно свободного доступа к информационным ресурсам в целях решения вопросов коммерческого, социального, дипломатического, военного и иного характера предопределило во многих государствах положительные изменения в экономике и рост национального благосостояния. Кроме того, свобода доступа способствовала увеличению интенсивности международного взаимодействия.

Вторая причина — распространение нового типа взаимодействия, когда государственные и негосударственные организации организуют свое взаимодействие, непосредственно обмениваясь информацией.

Третья — сближение в политической, экономической и военной сферах общественной и международной жизни понятий «информация» и «мощь». Это проявляется в приоритете информационной «мягкой силы» перед традиционной материальной «грубой силой». Данный посыл наиболее ярко выражен в динамике современного политического процесса.

Интересно, что с началом переосмысления учеными сути информационного пространства как новой стадии эволюции биосферы, характеризующейся доминирующей ролью разумной деятельности людей, поощрялись и исследования, в частности Э. Леруа, П. Тейяра де Шердена, В. Вернадского, по поиску возможной альтернативы современной политике.

Например, предлагается объединить существующие понятия киберпространства и инфосферы (киберпространство плюс СМИ) в единое понятие «*ноосфера*» или всеохватывающего пространства сознания. В качестве аргументации ученые обосновывают потребность изменения акцента с «обработки информации», т.е. с деятельности, ориентированной технологией, на «структурирование информации», т.е. на деятельность, связанную с идеями и устройством. Как следствие, предлагается новая форма политического руководства — «*ноополитика*», взаимодействующая с ноосферой и основанная на идеях, духовных ценностях, моральных нормах, законах и этике, переданных посредством «мягкой силы», в противоположность политике силы и ее акценту на ресурсы и способности, связанные с традиционной материальной «грубой силой».

В данном контексте примечательно, что впервые после 1991 г. в числе угроз национальной безопасности военно-политическое руководство России выделило нравственно-психологическую экспансию, что было отражено в Указе Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации»: «...обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния России, формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения, введение запрета на использование эфирного времени в электронных средствах массовой информации для проката программ, пропагандирующих насилие, эксплуатирующих низменные проявления, а также включает в себя противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров» [7].

Политический мир невозможно представить без идеологии. С самого своего возникновения формы правления и проводимый властями преобладающими политический курс нуждались в обосновании, оправдании, легитимации. Идеология – неважно, как она называлась в разные исторические эпохи, – как раз и была призвана выполнять эту задачу. Кроме того, исключительно идеология, информация, технологии их применения способны взять в плен неограниченное число воинов в минимальные сроки и без единого выстрела.

Идеология – концентрация управления. Она призвана задавать программирование границ правильного и неправильного поведения, предоставлять ясное разделение мира на «своих» и «чужих».

Общество всегда находится под властью идеологий, над которыми, в свою очередь, стоит концептуальная власть тех, кто в состоянии по своим личностным качествам воздействовать на сферу идеологий: изменять существующие, порождать новые и так лишать прежние идеологии их социальной базы.

Нынешняя ситуация в данной сфере характеризуется преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием сколько-нибудь цельных и последовательных теорий и идеологий. Мировые процессы приобретают настолько быстрые темпы, что сама реальность становится как бы эфемерной, постоянно ускользающей, неуловимой, теряется ясность очертаний социальных и политических феноменов, их границы становятся аморфными, зыбкими. Возрастает роль вероятностных событийных начал, динамизма и неустойчивости, необратимости и индетерминизма. В результате усиливается чувство неопределенности, непредсказуемости и случайности мировых процессов. Люди оказываются неспособными эти изменения вовремя осознать и адекватно на них реагировать. Более того, многообразие возможностей, открываемых научно-техническим прогрессом, стирает четкую грань между практически возможным, вероятным и возможным. В определении реального статуса того или иного государства увеличивается значение полицентричности миропорядка, многофакторности и динамичности происходящих в нем процессов.

В то же время сдвиги глобального масштаба, лишённые идеологических оснований в традиционном смысле слова, порождены сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, различные комбинации которых способны вызывать непредсказуемые ситуации. Эти последствия накладываются на целый комплекс факторов, которые в совокупности способны усиливать конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями и т.д. Постиндустриальная революция, урбанизация, информатизация, рост грамотности породили специфическую культуру и массы люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли и способных поддерживать любой миф, обещающий все блага мира. В то же время динамика секуляризации породила тип человека, для которого главным мотивом деятельности, главным жизненным кредо стало удовлетворение собственных, прежде всего материальных, потребностей и желаний.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что, несмотря на все попытки демифологизации, развенчания сакрального, в современных условиях мифы, большей частью секулярные, постоянно производятся и воспроизводятся. При распаде мифологии прогресса и эрозии влияния традиционных религиозных и идеологических систем место коллективных идеалов и мобилизующих мифов недолго остается вакантным. Парадокс современного секуляризованного мира состоит в том, что, отвергая традиционные религии и идеологии в качестве руководящих систем ценностей, норм, ориентации, ожиданий и т. д., он в то же время создает условия для формирования разного рода новых утопий, мифов, идеологий, которые функционально выполняют роль тех же традиционных религий и идеологий. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в современных условиях как идеологии национал-социализма и большевизма, правого и левого радикализма, так и более уважаемые конструкции консерватизма и либерализма возрождаются, мимикрируя и приспосабливаясь к новым реальностям.

Создается благоприятная почва для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода органицистских, традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, ориентации, с другой – универсалистских, космополитических, анархистских, либертариистских, антиорганицистских и прочих идей, установок, не признающих целостности, дисциплины, ответственности. При таком положении вещей для дезориентированных масс людей национализм, традиционализм, различные формы фундаментализма могут оказаться подходящим, а то и последним прибежищем. Важно отметить и то, что фундаментализм с его усиленным вниманием к идеям возврата к «истокам», с разделением мира на «наших» и «чужих» бывает не только исламским, как это нередко изображают, но также протестантским, православным, либеральным, большевистским и т. д.

Помимо идеологии ослабление, расшатывание инфраструктуры традиционной базовой *культуры* имеет своим следствием измельчание, атомизацию, эфемерность ценностей, норм и принципов, определяющих моральные устои людей. В результате понятия «Родина», «вера», «семья», «нация» теряют свой традиционный смысл. Это приводит, с одной стороны, к усилению терпимости и открытости в отношении чуждых культур и нравов, с другой – к ослаблению чувства приверженности собственным традициям, символам, мифам. Более того, в условиях неуклонной космополитизации и универсализации все более отчетливо прослеживается обострение чувства безродности, отсутствия корней, своего рода вселенского сиротства.

Результатом всех этих процессов и тенденций становится феномен, суть которого состоит в том, что реальность как бы выходит за пределы возможностей исследователя «поймать», ощутить и изучить, сколько-нибудь объективно проанализировать ее, без чего **невозможно принять решения, соответствующие этим изменениям.**

Важно учесть и то, что компьютеризация знаний вообще и гуманитарного знания в частности оказывается путем, ведущим к его обеднению, упрощению, потере мирочувствования и насаждению сугубо бухгалтерского отношения к мировым реальностям. Не случайно восхождение и утверждение гегемонии компьютера совпали с прогрессирующим увяданием гуманитарного мировидения. Именно благодаря компьютеру в сознании современного человека удивительным образом сочетаются всезнание и неосведомленность, чувство всемогущества и вопиющей неуверенности. Всевозрастающий эзотеризм научных знаний ведет к тому, что каждый может ориентироваться только в собственной узкой сфере. Широкое распространение образования парадоксальным образом сочетается с фрагментацией, диверсификацией, расчленением знаний и потерей способности к целостному, всеохватывающему мышлению.

Впервые в истории человечества электронные средства массовой информации, которые функционируют в соответствии с рыночными принципами конкурентоспособности и эф-

фективности, определяют ценности и модели социальных ролей. Те культурные стереотипы, социально-психологические образы действительности, установки и т.д., которые создаются СМИ, становятся неким аналогом светской религии. Причем они лишены отличительных признаков левизны и правизны в традиционном смысле этих понятий. Главное для появления в эфире – это рейтинг.

Американский политолог М. Паренти по поводу роли СМИ в современном обществе писал так: «СМИ отбирают большую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом определены теми, кто контролирует мир коммуникаций» [8]. Иными словами, общественно значимой проблемой становится то, что в качестве таковой определяется средствами массовой информации.

По большому счету, в социальной, общественной, политической сферах сегодня «реально» существует для массовой аудитории только то, что отражено в СМИ, только то, что существует в информационном пространстве. Если информация о событии, явлении или процессе не транслирована на массовую аудиторию с помощью СМИ, то для общества данное событие, явление, процесс попросту не существуют.

Таким образом, посредством СМИ в обществе задаются определенные стандарты, нормы и модели поведения, массовые предпочтения, выгодные для субъекта манипуляции, формируются стереотипы восприятия политической действительности и соответствующие им установки, политическое сознание в целом, а также внедряются строго определенные политические ценности.

Так, доктор философских наук В. Самохвалова пишет: «Сознание массового человека оказывается насквозь структурировано немногими, но настойчиво внедряемыми в него утверждениями, которые, бесконечно транслируясь средствами информации, образуют некий невидимый каркас из управляющих мнений, установлений, ограничений, который определяет и регламентирует реакции, оценки, поведение публики» [9].

При таком положении вещей современный человек дезориентирован, он вынужден искать те идеи или идеалы, которые способны служить в качестве духовных скреп новых инфраструктур. И не в последнюю очередь такие поиски обусловили всплеск новых религиозных движений, засвидетельствованный во всех индустриально развитых странах.

Благодаря печатным и электронным СМИ, возможностям телевидения информация оказывает управляющее воздействие на сознание людей, которые все чаще становятся объектами манипуляции. При этом по мере расширения возможностей государства в информационной сфере возрастает его потенциал и во внешне- и внутригосударственном регулировании. Субъект, обладающий превосходящим информационным потенциалом, использует не только свой внутренний, но и консолидированный ресурс соперничающих государств. Это наглядно демонстрируют итоги «холодной» войны, выявившие недостаточное стремление органов ведения информационного противоборства бывшего СССР в лице ЦК КПСС, КГБ СССР, МИД СССР адекватно реагировать на происходящие в мире изменения. Причем противоборство в указанный период носило прежде всего информационно-психологический характер, так как, по свидетельству экспертов, СССР превосходил страны НАТО по военной мощи в Европе в 5 раз.

Аналогичной точки зрения придерживаются большинство членов мирового экспертного сообщества, считая, что одна из главных причин нынешнего кризисного состояния российского общества – это следствие поражения СССР в информационной войне, где есть свои цели: дезорганизация системы управления государства; разрушение его иммунной системы, расчленение на части с помощью националистических, сепаратистских сил, организации конфликтов между ними; создание системы дезинформации, в которой главное направление удара – наука и культура, а способ воздействия – разобщение людей путем социальной

поляризации и дифференциации, подрыва моральных устоев, насаждения бездуховности, распространение национализма, криминализации; коммерциализация отношений между людьми.

В данном контексте и для последующего понимания сути предлагаемой концепции информвойны необходимо рассмотреть такое понятие, как жизнедеятельность системы. Так, поведенческие реакции любой системы под воздействием внешней среды строятся на основе информационного обеспечения, свойственного каждой из них. Это положение справедливо по отношению и к живым организмам. В животном мире информационное обеспечение поведения наука называет, во-первых, инстинктами и безусловными рефлексам, которые предопределены генетически для каждого из видов, и во-вторых, условными рефлексам, в которых отражен индивидуальный опыт живого организма по адаптации к среде обитания и которые не наследуются генетически при смене поколений.

Чем выше организованность биологического вида, тем больше доля и абсолютный объем генетически ненаследуемой информации в составе информационного обеспечения поведения его особей.

У наиболее высокоорганизованных видов генетически передаваемая программа развития его особей предопределяет «детство». В течение «детства» родители и/или старшие поколения в целом формируют в подрастающем поколении генетически не передаваемые условные рефлексы, отражающие опыт старших поколений.

Человек разумный как биологический вид при таком взгляде отличается от животного мира, прежде всего тем, что благодаря устной речи, изобразительному искусству, письменности каждому входящему в жизнь поколению доступны для освоения не только опыт и жизненные навыки живущих взрослых поколений, но и, в той или иной степени, зафиксированный культурный опыт и жизненные навыки ушедших из жизни поколений.

В таком видении информационное состояние общества можно определить на уровне биосферной обусловленности как генетически передаваемую от прошлых поколений информацию всех в нем живущих; на уровне социальной обусловленности — как генетически передаваемую информацию, хранимую памятью живущих, а также зафиксированную на порожденных обществом материальных носителях информации, т.е. в памятниках культуры, находящихся в употреблении хотя бы у одного из людей. В настоящем контексте культура — вся генетически ненаследуемая информация, хранимая обществом и передающаяся от поколения к поколению на основе социальной организации. Информационное состояние общества — это состояние информационного обеспечения его поведения, обусловленное биологически и социально (культура) каждым новым поколением. При этом генетически обусловлен потенциал освоения культурного наследия предков и его дальнейшего преобразования каждым новым поколением.

Жизнь общества — это процесс обновления его информационного состояния, протекающий на уровне его физиологии и культуры. В нем на уровне биосферной обусловленности при смене поколений в генеалогических линиях обновляются комбинации генокодов, т.е. генотипы множества живущих видов особей вида «человек разумный». На уровне социальной обусловленности идет процесс обновления прикладного теоретического знания и навыков, вследствие которого новые технологии и технические решения вытесняют прежние решения того же самого назначения и в целом расширяют множество технологий и технических решений.

Вышеизложенные теоретические основы предлагаемой концепции информационной войны позволяют определить последнюю как войну в целях захвата сырьевых, энергетических, людских ресурсов другой страны с использованием высших приоритетов (идеологического, хронологического, методологического) обобщенных средств противоборства центров концентрации управления, когда в общественное сознание народа страны — жертвы агрессии целенаправленно внедряются такие ложные представления об окружающем мире, кото-

рые позволяют агрессору в дальнейшем свободно манипулировать как правительством, так и народом этой страны и осуществлять захват необходимых ресурсов, практически не встречая сопротивления, т. е. без вооруженного столкновения обычного типа (*прим. – Авт.*).

Информационные войны разной степени интенсивности являются неотъемлемой частью повседневной жизни общества и различаются лишь степенью зависимости от ее информационной составляющей. Например, ранее при ведении такого рода войн использовались слухи (общеизвестно, что войска Чингисхана шли вслед за рассказами об их невероятной жестокости, которые деморализовали противника), особая идеология (типа известного высказывания «со щитом или на щите»). С появлением компьютеров, Интернета и соцсетей современная модель открытого общества многократно увеличила мощь информационного оружия, в первую очередь в плане его технического обеспечения.

Информационные войны ведутся между центрами концентрации управления столетиями, лишь изредка переходя в «горячие» войны. Агрессия осуществляется методом «культурного сотрудничества», через управляющую «элиту» страны – жертвы агрессии, которая в силу своего понимания думает, что работает на свой народ, а в силу своего непонимания общего хода вещей является, по сути, марионеткой в руках агрессора, выполняя его планы. Орудие агрессии – целенаправленно сформированный дезинтегрированный биоробот на человеческой элементарной базе.

В результате такой агрессии у народа-жертвы:

- разрушается целостное восприятие окружающего мира, формируется фрагментарное сознание, легко поддающееся манипулированию через подсознание;
- рушатся историческое самосознание, целостность исторического процесса, реальная история народа подменяется ложными мифами;
- естественная потребность человека в пище, жилище и т. п. подменяется потребностью в деньгах, которая культивируется и доводится до страсти к наживе, тем самым обеспечивается зависимость населения от владельцев финансовой системы;
- культивируются низменные инстинкты, подрывающие физическое и психологическое здоровье человека и разрушающие генофонд нации.

Обобщенно говоря, народу навязывается чуждая ему концепция жизнеустройства, ведущая к деградации и уничтожению.

Исходя из вышесказанного, **информационную войну** предлагается понимать как *коммуникативную технологию по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями, включающую разведку, аналитическую работу и военно-коммуникативные исследования*. Последние призваны давать ответы не академического, а технологического характера, быть максимально практически сориентированы, что гарантирует переход от исследований в области теории коммуникаций к принципиально прикладным технологиям.

Необходимо учитывать, что информационные войны строятся: а) на стратегии резонанса, когда коммуникативная составляющая начинает функционировать таким образом, чтобы заменить собой все остальное; б) на войне имиджей, так как имидж является символическим коррелятом объекта, имеющим особую силу, поскольку окружающий мир – это мир символов.

Один из представителей медийной теории Р. Дейберет в книге «Пергамент, печать и гипермедиа: коммуникации в процессе трансформации мирового порядка» пишет: «...поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей» [10].

Данный посыл вкупе с вышесказанным определяет термин «коммуникативный» в предлагаемом понятии информвойны как базовый и соответственно наделяет аудиторию особым статусом объекта воздействия, поскольку успех воздействия зависит исключительно от ин-

тересов, идеалов и ценностей аудитории. Цель же такого воздействия на массовое сознание — внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре. Иначе говоря, мы имеем дело с информационно-психологическим воздействием, под которым понимаются целенаправленное производство и распространение специальной информации, оказывающей непосредственное влияние (положительное или отрицательное) на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение гражданского населения и сотрудников силовых ведомств страны-субъекта. Вместе с тем следует помнить, что информационная война представляет собой иной тип воздействия, чем тот, который именуется психологической войной, определяемой как «использование всех возможных видов коммуникации с целью уничтожения желания врага сражаться» [11]. Психологическая война — по сути, пропаганда разрушения, а не созидания.

Практически изменением когнитивной структуры занимается и психотерапия, только на уровне индивидуального сознания. Отличие лишь в том, что массовое сознание считается в достаточной степени консервативным, является определенным стабилизатором ситуации, и изменить его возможно посредством, в частности, когнитивной психологии и когнитивной психотерапии. Последняя интересна тем, что в результате ее применения, как и любой психотерапии, происходит изменение моделей поведения. Доктор медицинских наук, врач-психиатр А. Александров указывает: «Когнитивный сдвиг можно по аналогии представить как компьютерную программу. Каждое расстройство имеет свою специфическую программу. Программа диктует вид вводимой информации, определяет способ переработки информации и результирующего поведения. При тревожных расстройствах, например, активируется «программа выживания»: индивид из потока информации выбирает «сигналы опасности» и блокирует «сигналы безопасности» [12]. В этом варианте терапии пациент больше реагирует на когнитивные схемы у себя в голове, чем на реальность. Более того, обобщенный опыт психотерапии свидетельствует, что чаще всего человеком руководит не реальная действительность, а — заранее — схема ее интерпретации, поскольку при наличии схемы из действительности мы начинаем выбирать «сигналы», подтверждающие наши схемы.

Таким образом, в качестве одной из базовых составляющих воздействия в рамках информационной войны выступают когнитивная модель мира, способы обработки и форматирования информации человеком. При этом на первое место выходят понятия фрейма, сценария, стереотипа, которые в числе других были начаты работами группы американского теоретика искусственного интеллекта, когнитивного психолога Р. Шенка [13]. Это типичный вариант представления информации человеком, способа обработки им информации.

Другая базовая составляющая этого направления — не просто аналитический подход к собственно анализу аудитории, а поиск уязвимых мест в когнитивной модели, с опорой на который возможны поведенческие изменения. В связи с этим следует помнить о социологических опросах, дающих важные результаты в поиске уязвимых мест, а также об источнике и способе подачи информации.

Все вышеперечисленное в предлагаемой концепции информвойны составляет суть ее определения. Для рассмотрения же технологий информвойны следует ввести такое понятие, как *обобщенные средства управления* (прим. — Авт.), которые с позиций достаточно общей теории управления являются средствами воздействия на жизнь общества на исторически длительных интервалах времени (сотни и более лет). Важно подчеркнуть, что термин «обобщенные» максимально корректно отражает собирательный смысл своих элементов, что, как следствие, придает универсальность применению рассматриваемой концепции информвойны к достижению в ней разного рода целей посредством уже конкретных соответствующих технологий.

Назовем эти обобщенные средства управления в иерархически приоритетном порядке.

Информационное оружие – методологический (информация мировоззренческая, философская, методологически позволяющая видеть общий и частный ход вещей), хронологический (хронология фактов и явления всех отраслей знаний, при этом, владея методологией, можно выделить частные процессы в наборе явлений) и фактологический (прикладной характер, религия, идеологии, технологии; описательная информация частных и объемлющих процессов) приоритеты. Данное оружие используется в ходе «холодных» войн или культурного сотрудничества.

Материальное оружие – экономический приоритет (средства экономической борьбы, мировые деньги, кредитно-финансовая система с паразитическим ссудным процентом), оружие геноцида (поражает живущие и последующие поколения, алкоголь, наркотики, генная инженерия, психотропные средства) и оружие уничтожения живой силы и материальной структуры. Это оружие применяется как в «горячих» войнах, так и в ходе «холодных» войн или культурного сотрудничества.

Приведенная иерархически упорядоченная классификация позволяет выделить доминирующие факторы воздействия, которые могут применяться в качестве средств управления, и в частности в качестве средств подавления и уничтожения управленчески-концептуальных неприемлемых явлений в жизни общества.

При применении этого набора внутри одной социальной системы это обобщенные средства управления ею. А при применении их же одной социальной системой (социальной группой) по отношению к другой при несовпадении концепций управления в них – это *обобщенное оружие*, т.е. средства ведения войны в самом общем понимании этого слова. В случае же отсутствия концептуальной несовместимости управления в обеих системах это средства поддержки самоуправления в иной социальной системе.

Также указанный порядок определяет приоритетность названных обобщенных средств воздействия на общество, поскольку изменение его состояния под воздействием высших приоритетов имеет значительно большие последствия, чем под воздействием низших, хотя и протекает медленнее и без шумных эффектов.

От базовых понятий предлагаемой концепции информвойны перейдем к ее основным технологиям – наступлению и обороне.

Наступление (этапы информационной агрессии)

Первый этап – внедрение и завоевание позиций, скрытное наступление по всем приоритетам обобщенных средств управления. Это захват:

– кредитно-финансовой системы страны через механизм ростовщического ссудного процента и финансовых махинаций глобального уровня, завершение процесса созданием частного центрального банка. «Дайте мне управлять деньгами страны – и мне нет дела, кто создает ее законы» (М. Ротшильд);

– информационно-идеологических структур государства и навязывание обществу чуждых идеологий. Как составная часть – контроль СМИ, радио и телевидения, формирование коллективного биоробота, его рассеяние и внедрение в тела народов;

– системы образования, формирование не всесторонне развитой личности, а «квалифицированного потребителя»;

– монополии на продажу алкоголя и табака (решает задачу подрыва генофонда нации и накопления финансовой мощи).

Второй этап – перехват управления, внешне проявляющийся как смута, революция, перестройка и т.п. и направленный на решение главной задачи *уничтожения внутренней концептуальной власти, осуществляющей или способной осуществлять реальное управление страной.*

Третий этап – установление «демократической» диктатуры, введение в общество «яда» плюрализма, толерантности и *разделение единого общества и государства по территориальному, национальному, религиозному, социальному, идеологическому и другим признакам; формирование новой управляющей элиты, руководящей под лозунгом: «Разделяй и властвуй».*

Четвертый этап – «обрезание» элиты и открытая оккупация. Если новая управляющая элита не способна обеспечить устойчивую реализацию планов стороны-агрессора, равно как и «отработка» исполнения возложенных на элиту функций, то страну-мишень через искусственное возбуждение социального протеста широких масс населения переводят в режим гражданской войны всех против всех с физическим уничтожением собственно новой управляющей элиты и дальнейшей оккупацией территории «миротворческими силами».

Соответственно **этапы отражения информационного нападения (оборона):**

1) восстановление самобытной внутренней концептуальной власти в виде собственной концепции жизнеустройства на базе исторически сложившихся народных идеалов Богодержавия (последнее – для России. – *Авт.*);

2) внесение собственного замысла жизнеустройства в широкое общественное сознание, создание кадровой базы внутренней концептуальной власти и сдерживание информационной агрессии через создание состояния концептуальной неопределенности;

3) перевод страны на новый замысел жизнеустройства. Это расширение социального слоя носителей нового замысла жизнеустройства, формирование на его основе нового управленческого корпуса страны, запуск режима автосинхронизации. Завершается состояние концептуальной неопределенности, и начинаются лавинообразное распространение концептуальной информации и консолидация на ее основе здоровых антипаразитических патриотических общественных сил страны. По мере расширения этих задач осуществляется постепенный перехват управления отдельными регионами, отраслями, государственными структурами, происходит изменение курса развития страны;

4) крушение толпо-«элитаризма», обеспечение независимости и безопасности страны и народа. Переход в информационное контрнаступление на всех приоритетах обобщенных средств управления:

– формирование целостного мировоззрения и освоение методологии познания. Обеспечение неограниченного доступа к знаниям всем слоям общества разрушает толпо-«элитарную» пирамиду; «элита», в силу своей нравственной и психической ущербности не способная овладевать знаниями, которые даются по нравственности, вытесняется на периферию общества;

– восстановление исторического самосознания и истинной истории;

– преодоление идеалистического и материалистического атеизма, формирование новой культуры на основе Богодержавия (для России. – *Авт.*) в гармонии с природой;

– переориентация народного хозяйства на удовлетворение демографически обусловленных нравственных потребностей, пресечение всех форм паразитизма в обществе;

– формирование здорового образа жизни;

– укрепление обороноспособности страны;

5) этот этап – исключительно для России: установление Россией нового миропорядка на основе Богодержавия. Развитие информационного контрнаступления на глобальном уровне с подключением стран арабского мира, Азии, Африки и Латинской Америки. Россия открыто предъявляет всем странам и народам новый замысел жизнеустройства и переводит их под свое концептуальное управление.

Важно подчеркнуть, что в предлагаемой концепции информвойну также можно трактовать как «перевод» с одной картины мира на другую. При этом информация в данном процессе трансформируется до неузнаваемости. Например, сообщение: «Сдавайтесь» – воспринимается в контексте: «Сдаваться – безопасно», а далее: «Сдавшись, спасешь свою семью». То есть спасение себя заменяется спасением семьи, и эти сообщения совершенно разные. В связи с этим тип «перевода» в рамках информационной войны теряет и форму, и содержание, что обусловлено, в том числе, несовпадением языков. Последняя, т.е. «языковая», тема также рассматривается в предлагаемой концепции информвойны как главная по причине ее неразрывной связи с культурой. Сравните с высказыванием Дж. Брауна: «Сейчас

проводится информационно-культурная агрессия на базовую культуру россиян... объектом экспансии «реформаторов» является языково-знаковая система российского суперэтнуса, и именно на нее направлен весь информационный вектор разрушения» [14].

Языковая безопасность — относительно новое понятие, не получившее пока системного описания в научной литературе. Наиболее часто понятие языковой безопасности обсуждается в контексте проблем национальной безопасности, информационной безопасности, языкового суверенитета и языковой политики.

В академических дискуссиях безопасности язык — это либо объект разного рода угроз, либо условие достижения/поддержания безопасности. Другими словами, речь может идти как об обеспечении безопасности самого языка, так и о его роли в обеспечении других видов безопасности. Известно, что после сентябрьских событий 2011 г. в США много говорилось о недостатке опытных переводчиков с дари, урду и хинди, которые могли бы квалифицированно перевести и интерпретировать содержание документов, способных предотвратить атаку на здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке [15], т.е. слабое знание иностранных языков интерпретировалось как угроза национальной безопасности США. Во Франции 70–80-х гг. XX в. безудержная экспансия английского языка была воспринята обществом как угроза потери нацией родного языка и побудила принять в 1994 г. закон о защите французского языка (закон Ж. Тубона). Его применение в бытность Ж. Ширака мэром Парижа привело к снятию с парижских улиц всех вывесок на английском языке, даже названия английских фирм переводились на французский [16].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации язык рассматривается как один из объектов информационной безопасности: «К числу основных объектов обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в сфере духовной жизни относятся... русский язык как фактор духовного единения народов многонациональной России, язык межгосударственного общения народов государств — участников Содружества Независимых Государств; языки, нравственные ценности и культурное наследие народов и народностей Российской Федерации» [17].

Таким образом, угрозой для общества, основанного на экономике знаний, считается информационное неравенство — неравный доступ населения различных стран (регионов) к источникам информации и информационным технологиям или незнание языка (языков), на которых представлена информация в Сети Интернет.

Также в контексте статьи необходимо отметить, что опыт всех войн на планете показал непреложную истину: в любом конфликте участвуют три стороны: два противника и народ. Последний — как мобилизационная база и тыловое обеспечение своей воюющей стороны — в лучшем случае, рассматривается в роли оперативной или оперативно-тактической составляющей информвойны. А между тем в стратегическом плане — и это чрезвычайно важно — победа или поражение непосредственно сторон — участниц конфликта никогда не является абсолютной. Более того, обе стороны всегда будут проигравшими, особенно победитель, так как именно он станет ответственным за неизбежные жертвы среди мирного населения и ущерб его материальному имуществу, всей инклюзивной социальной инфраструктуры. Поэтому в информвойне переходного периода в глобальное информационное общество и свое, и чужое население сторон противоборства должно быть вторым по значимости субъектом *постоянного* воздействия. Результативность же данного воздействия определяет, в свою очередь, качество собственно перехода в новый миропорядок на морально-этических принципах правды и справедливости. В связи с этим обязательно следует различать *самостоятельного участника конфликта и лишь территории, а также то, что индустриальные войны ведутся за территории и ресурсы, а информационные (так называемые войны гибридного типа как показатель перехода в информационно-цифровое общество) — за ценности и смыслы.*

Следует обратить внимание на ряд моментов в рамках рассматриваемой концепции информвойны, свидетельствующий в пользу универсальности последней и наблюдаемый

в Сирии и Украине. Так, в частности, в процессе передачи от человека к человеку мысль (информация) кодируется знаками, символами или образами, образующими контур, «форму одежды» голых смыслов.

Далее – нападение «умной силы» подразумевает проведение следующих последовательных мероприятий:

– небоевой операции – применение технологии «окна Овертона» по «вбросу» в общество тревожащих мнений, создающих атмосферу нарастающей угрозы для стабильности, приводящих к дисбалансу сложившихся отношений внутривнутриполитических сил по принципу «диалектической противоречивости» попарно (патриоты – либералы и т.п.) и к поляризации оценок всей общественно-политической жизни страны;

– небоевой специальной операции, переводящей внимание высшего руководства страны (объекта атаки) на неожиданные внешние источники угроз из-за рубежа в целях их введения в состояние психической растерянности и последующей блокировки управления принуждением воли объекта атаки к бездействию, деморализации от чувства бессилия перед невидимым врагом-призраком;

– небоевой операции эскалации психологического давления, общей деморализации и доведения объекта атаки (высшего руководства страны) до нужного решения;

– боевой операции террористического характера с привязкой к дате ближайших международных мероприятий или к историческим символам, создающей бегущую волну психической эпидемии.

Резюмируем: в информационной войне **победа** определяется господством в сфере разума, т.е. в овладении *памятью* поколений как местом хранения смыслов бытия; в навязывании нужных алгоритмов *мышления* как способности к творчеству и, наконец, в контроле *воли* (духа). Опорой же мысли является язык, входящий в архетип (культуру), поэтому чрезвычайно важно обеспечить *лингвистическую* составляющую обеспечения военных действий. Кстати, задача любой начальной стадии информвойны – взлом цивилизационного кода (системы записи наследственной архетипической информации) противника посредством военной психолингвистики. Актуальность данного посыла демонстрируют буквы-символы Z, V, O, задействованные в проводимой Россией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

Задачи информвойны, исходя из универсальности предлагаемой концепции информвойны, включающей и ее психологическую составляющую, – разрушение традиционного мировоззрения, этики и эстетики сознания, догматов веры и исторической последовательности, достижение реакции четкого и верного отклика у своих и запуск вируса торможения рефлексии (апатии) или изнуряющего ситуационного возбуждения на всевозможные частности у чужих.

Способы информвойны – рефлексивное управление поведением людей и психоинжиниринг резонансов коллективного бессознательного.

И последнее: не следует путать информвойну с информтехнологиями и их продукцией. Копирование или внедрение чужих разработок в IT-сфере – это инженерный подрыв собственного культурного суверенитета. Кроме того, ТВД информвойны ненавязчиво оборудуется глобальными IT именно под задачи такого подрыва, что облегчает установление господства в чужой сфере разума.

Подведем итог.

Первое: сегодня все человечество стало свидетелем создания новой реальности – стратегии информационной войны. Хотя эта сфера еще до конца не сформировалась и не изучена, но уже стало очевидным, что в дальнейшем возникнет потребность существенного пересмотра основных понятий в традиционных оборонных областях. Эти изменения привели к созданию четвертого «информационного» измерения, которое объединит технические коммуникации и концепции информационно-психологического противоборства. В киберинфор-

мационном мире новой реальности ключ к успеху будет лежать в умелом стратегическом планировании и управлении информационными возможностями и ресурсами.

Второе: цель технологий информационной войны – введение определенных элементов неуправляемости социальными системами. Противостоять этому в России возможно, в частности, посредством создания в стране *единой мобильной плавающей ударной системы информационного противоборства*, способной вести непрерывный мониторинг уровней состояния общественного, группового и индивидуального сознания в целях выявления угроз безопасности государства в информационно-психологической сфере и адекватного противодействия им. Важно помнить, что «домашний» фронт является реальным и самым ответственным, на нем могут быть проиграны не только битвы, но и целые войны.

В связи с этим нельзя забывать о значительном потенциале Союза России и Белоруссии, созданного в декабре 1999 г. В рамках проекта в оперативно-тактическом плане следует задействовать стремление к сотрудничеству и возможности иностранных государств, в первую очередь «славянского» профиля (Сербия, Болгария, Кипр). И здесь, например, следует задействовать потенциал духовно-нравственных ценностей как русского, так и исламского миров в противопоставлении ценностям трансгуманизма современного западного мироустройства. Нельзя забывать и о положительном историческом опыте взаимодействия СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Основным экспертно-информационным, планирующим и координирующим органом такой системы мог бы стать обновленный и отвечающий современным реалиям Совет Безопасности РФ.

Третье: информационно-аналитическая функция правоохранительных органов и спецслужб России должна стать приоритетной среди других средств и методов обеспечения безопасности. При этом следует учесть, что современное разведывательное и контрразведывательное аналитическое обеспечение все более сосредоточивается в виртуальном информационном пространстве, меняя роль и место человека в процессе добывания разведывательных и контрразведывательных сведений и их последующей обработки.

Четвертое: необходимо активизировать специальную пропаганду в интересах министерств и ведомств силового блока, организовать эффективную систему контрпропаганды и ужесточить государственную цензуру. Все это должно гармонично дополняться четко сформулированной политикой социализации личности, учитывающей специфику собственно процесса социализации в России. Специфика же заключается в следующем.

Во-первых, в условиях, когда в стране отсутствует целостная система политической социализации личности, политические пристрастия граждан зависят от их экономического положения, а не от влияния лидеров, партий, СМИ. Неудивительно поэтому, что наиболее мощными факторами политической социализации выступают конкретные экономические (колебания курса валют) и политические события, изменяющие материальное положение населения.

Во-вторых, социализация личности как проблема ставит задачу убеждения общества в необходимости нового социально-экономического и политического курса. Все инициативы политического и военного руководства России в целях социальной модернизации должны быть сознательно продуманными и социализационно окрашенными, т.е. необходима государственная идеология (необходимо помнить, что любая идеология, любая теоретическая конструкция является *незаконченной*). При этом нельзя не учитывать: 1) сложившийся стереотип политического патернализма у подавляющего большинства российского населения; 2) кризис вековой российской государственности, объединявшей длительное историческое время общую судьбу не только славянских народов; 3) неконструктивность и нецивилизованность параметров многопартийности в процессе формирования государственной власти; 4) отсутствие авторитета идущих во власть и глубокую социальную опору в российском электоральном процессе.

Ни Запад, ни Восток не желают видеть Российскую Федерацию самостоятельным, стабильным и сильным государством. Поэтому, если страна самостоятельно не создает символы и смыслы, возникает угроза, что этим займутся внешние субъекты в собственных интересах. Кроме того, в современном информационном мире субъекты, обладающие высокой степенью разнообразия, будут способны конкурировать в онлайн-пространстве с традиционными институтами власти, подрывая их влияние и наполняя Интернет собственными символами, смыслами и симулякрами.

Уместно напомнить, что современное общество находится в преддверии масштабных перемен по причине приближающегося краха экономической системы Запада, ревизии его идеологии и политической системы. Более того, нынешнее положение в мире можно описать термином «глобальный системный кризис», причем не последнюю роль в этих кризисных явлениях играет кризис цивилизационный. Это положение наиболее полно разобрано в трудах последнего из цивилизационистов – Л.Н. Гумилева. По Гумилеву, парадигма какой-либо цивилизации утрачивает свою действенность тогда, когда число субпассионариев (т.е. людей, ставящих личные интересы выше интересов социума и цивилизации) достигает таких величин, что они начинают преобладать в сферах, определяющих развитие и состояние цивилизационной модели. Возникает состояние, определенное Гумилевым как «война всех против всех». Вероятно, эта формула лучше всего определяет современную ситуацию, в которой западная цивилизация среди прочих специфических качеств имеет и такие, как предельная цивилизационная нетерпимость, изначальное отрицание других цивилизационных моделей, стремление к глобальному господству. Это проявляется в пресловутой глобализации – стремлении перевоссоздать весь мир по западной цивилизационной модели и уничтожить (как были уничтожены Андская и Мезоамериканская цивилизации) существующие мировые цивилизации. При этом переживаемый Западом цивилизационный кризис и его политика глобализации ведут к репродуцированию этого кризиса на всей планете.

Выход из сложившегося положения видится только в применении исторического опыта Российской империи и затем СССР. Последний особенно показал всему миру, что совместная жизнь очень разных в культурном, религиозном и социальном отношении народов возможна. СССР объединяла общая идеология, базирующаяся на великих идеях и образах – *идея единой исторической судьбы и образе семьи народов, которая преломлялась в культуре разных народов* (сейчас это демонстрирует Китай).

Следует подчеркнуть, что все вышеизложенное в представленной статье находит понимание у военно-политического руководства России. И в контексте статьи подтверждением этому, в частности, могут служить слова Секретаря Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушева в интервью «Российской газете» от 29.04.2022: «Правильные воспитанные, всесторонне образованные, здоровые в физическом и моральном отношении дети, знающие и понимающие историю и культуру своей Родины, – это наше богатство и залог гарантированного успешного развития России... Я искренне убежден в том, что мы не можем успешно развиваться без четкого понимания всем обществом наших национальных целей и задач, всей глубины нашей духовной и исторической самобытности».

Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Государственного задания на 2022 г. № 075-01615-22-05.

Список литературы

1. Урсул А.Д. Путь в ноосферу (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). М.: Луч, 1993.
2. Леонов Н.С. Информационно-аналитическая работа в загранучреждениях. М., 1996.
3. Politikwissenschaft: eine Grundlegung / Hrsg. von Klaus Beyme. Bd. 2. Stuttgart – Berlin – Köln – Mainz, 1987.

4. Указы Президента РФ: от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации», от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» и от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

5. Вирилио Поль. «Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002.

6. Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества // Толковый словарь терминов и концепций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

7. Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации»: раздел IV «Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации».

8. Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990 [цит. по: Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М.: Кн. дом «Университет», 1999].

9. Самохвалова В. «Массовый человек» – реальность современного информационного общества // Мат-лы конф. «Проблема человека: мультидисциплинарный подход». М., 1998.

10. Deibert R.J. *Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. N.Y.: Columbia University Press, 1997.

11. Padover S.K. *Psychological Warfare and Foreign Policy // The Theory and Practice of International Relations*. Englewood Cliffs, 1960.

12. Александров А.А. Современная психотерапия. СПб., 1997.

13. Brown J.A.C. *Techniques of persuasion. From propaganda to brainwashing*. Harmondsworth, 1971.

14. Language Boot Camp. URL: <http://italian.about.com/library/weekly/aa091102a.htm> (дата обращения: 09.09.2022).

15. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980.

16. Какая страна приняла первый закон о защите родного языка? URL: <http://otvet.mail.ru/question/17827149> (дата обращения: 09.09.2022).

17. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895): раздел II, п. 6.

References

1. Ursul A.D. (1993) *Put' v noosferu (Kontseptsiya vyzhivaniya i ustoychivogo razvitiya tsivilizatsii)* [The path to the noosphere (The concept of survival and sustainable development of civilization)]. Luch. Moscow.

2. Leonov N.S. (1996) *Informatsionno-analiticheskaya rabota v zagranuchrezhdeniyakh* [Information and analytical work in foreign institutions]. Moscow. 1996.

3. Politikwissenschaft: cine Grundlegung. Hrsg. von Klaus Beyme. Bd. 2. Stuttgart – Berlin – Koln – Mainz, 1987.

4. *Ukazy Prezidenta RF: ot 17.12.1997 No. 1300 «Ob utverzhenii Kontseptsii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii», ot 05.12.2016 No. 646 «Ob utverzhenii Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» i ot 02.07.2021 No. 400 «O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii»* [Decrees of the President of the Russian Federation: dated 17.12.1997 No. 1300 «On Approval of the National Security Concept of the Russian Federation», dated 05.12.2016 No. 646 «On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation» and dated 02.07.2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation»].

5. *Virilio Paul (2002) Informatsionnaya bomba. Strategiya obmana* [An information bomb. The strategy of deception]. Moscow.

6. Zemlyanova L.M. (1999) *Zarubezhnaya kommunikativistika v preddverii informatsionnogo obshchestva* [Foreign communication studies on the eve of the information society] *Tolkovyy slovar' terminov i kontseptsiy* [Explanatory Dictionary of terms and concepts] *Izd-vo Mosk. un-ta* [Moscow University Publishing House]. Moscow.

7. *Ukaz Prezidenta RF ot 17.12.1997 No. 1300 «Ob utverzhenii Kontseptsii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii»: razdel IV «Obespechenie natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii»* [Decree of the

President of the Russian Federation dated 17.12.1997 No. 1300 «On approval of the Concept of National Security of the Russian Federation»: Section IV «Ensuring national security of the Russian Federation»].

8. Parenti M. (1990) *Demokratiya dlya nemnogikh* [Democracy for the few] *Tsit. po: Tsuladze A.M. Politicheskie manipulyatsii, ili Pokorenie tolpy* [cit. according to: Tsuladze A.M. Political manipulation, or the Conquest of the crowd] *Kn. dom «Universitet»* [Book house «University»]. Moscow.

9. Samokhvalova V. (1998) «*Massovyy chelovek*» – *real'nost' sovremennogo informatsionnogo obshchestva* [«Mass man» – the reality of modern information society] *Mat-ly konf. «Problema cheloveka: mul'tidistsiplinarnyy podkhod* [Papers conf. «Human problem: a multidisciplinary approach»]. Moscow.

10. Deibert R.J. (1997) *Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. N.Y.: Columbia University Press.

11. Padover S.K. (1960) *Psychological Warfare and Foreign Policy. The Theory and Practice of International Relations*. Englewood Cliffs.

12. Alexandrov A.A. (1997) *Sovremennaya psikhoterapiya* [Modern psychotherapy]. St. Petersburg.

13. Brown J.A.C. (1971) *Techniques of persuasion. From propaganda to brainwashing*. Harmondsworth.

14. Language Boot Camp. Available at: <http://italian.about.com/library/weekly/aa091102a.htm> (дата обращения: 09.09.2022).

15. Schenck R. (1980) *Obrabotka kontseptual'noy informatsii* [Conceptual information processing]. Moscow.

16. *Kakaya strana prinyala pervoy zakon o zashchite rodnogo yazyka?* [Which country was the first to adopt a law on the protection of the native language?]. Available at: <http://otvet.mail.ru/question/17827149> (date of access: 09.09.2022).

17. *Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (utv. Prezidentom RF 09.09.2000 No. Pr-1895): razdel II, p. 6* [The Doctrine of Information security of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation 09.09.2000 No. Pr-1895): section II, item 6].